

КУЛЬТУРА СЕМЕЙНЫХ ТРАДИЦИЙ УЕЗДНОГО КУПЕЧЕСТВА ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА*

И. В. Маслова

Елабужский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 9 декабря 2010 г.

Аннотация: *в XIX столетии шел процесс формирования национального типа купца-предпринимателя. Выработывались основные бытовые и семейные традиции купечества, ставшие в дальнейшем стержнем сословного менталитета. Быт уездного купечества Вятской губернии отличался размеренностью и консервативностью, сохраняя традиционные сословные черты и поведенческие установки.*

Ключевые слова: *менталитет, быт, нравы, повседневность, уездное купечество.*

Abstract: *the 19 century was marked by the process of forming the national type of the merchant-entrepreneur. Essential family and household traditions of the merchants were being worked out, which eventually became the basis of the merchant class mentality. The mode of life provincial merchants of Vaytskaya Province was characterized by regular habits and conservatism keeping traditional class features and behaviour patterns.*

Key words: *mentality, household, mode of life morals and manners, everyday life, provincial merchants / provincial merchant class.*

В первой половине XIX столетия шел процесс создания национального типа купца-предпринимателя, интересы которого были направлены не только на личное обогащение, но и на служение обществу. В этот период формировались основные бытовые традиции купечества, ставшие в дальнейшем стержнем сословного менталитета, на который в быстро меняющейся политической ситуации нанизывались всё новые и новые правила поведения, семейные обычаи, создающие неповторимый портрет российского третьего сословия.

Главным предметом заботы и внимания каждого члена большой купеческой семьи являлся семейный бизнес. В купеческих фирмах присутствовал особый корпоративный дух, в котором воплощались православные традиции к единению и сближению людей. Семейный характер предпринимательства, столь свойственный уездному купечеству, способствовал созданию особой системы отношений, основанной на взаимной связи и взаимной ответственности членов рода, которые буквально жили семейным бизнесом.

Глава семьи ведал всеми торговыми делами, выбирал гильдейские свидетельства, отвечал

перед государством за выполнение повинностей и выплату податей. Он, таким образом, являлся не только добытчиком средств к существованию, но и посредником между семьей и государством. Вместе с тем в торговле и ее организации участвовал не только сам купец, но и члены его семьи. Это объяснялось тем, что специфика купеческих занятий и выполнение общественных обязанностей требовали периодических отлучек главы семьи. Во время его отсутствия руководство выполнением торговых и домашних дел брали на себя старшие сыновья или жена купца.

Заметим, что семейность торговых занятий купечества была характерна для всей России в целом. Анализируя деятельность московских предпринимателей, Т. Оуэн отмечал: «Даже самые крупные текстильные компании в Центральном районе изначально сложились как принадлежащие одной семье, и они продолжали оставаться в руках этой семьи на много поколений» [1, с. 52].

Главной обязанностью жены в браке была организация семейного быта. Сам хозяин редко вникал в домашние дела, хотя требовал, чтобы «дом» велся на соответствующем уровне. Интересы мужчин в семье ставились выше женских. Зависимость жены от мужа увеличивалась еще и тем, что мужья в среде купечества были обычно старше своих жен на 6–10 лет. Зависимому положению женщины способствовало признание церковного брака единственной формой

* Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта № П 319 «Концептуализация микроисторических исследований при изучении российского провинциального города» Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг.

© Маслова И. В., 2011

брака, по которому жена была обязана всюду следовать за мужем.

Но не все представительницы купеческого сословия вписываются в этот ставший стереотипным портрет. Некоторые купчихи становились равноправными партнерами своих мужей или руководили семейным делом после их смерти. Например, в Уржуме Мария Николаевна Коробкова после смерти мужа не только продолжила его предпринимательскую деятельность, но и значительно расширила семейный бизнес. Обратив внимание на отсутствие кондитерского производства в городе в 80-е гг. XIX в., она сделала ставку именно на эту сферу. «Магазин Коробковой стал пользоваться известностью, ее булки, кренделя, конфеты – карамель, сливочные тянучки имели спрос» [2]. В результате удачливая коммерсантка в 1887 г. была зачислена в «самостоятельные купчихи».

Следует подчеркнуть, что многие купчихи были хорошо образованными женщинами, владели несколькими языками и придерживались прогрессивных для своего времени взглядов, активно занимались благотворительной деятельностью.

И всё же главными обязанностями хозяйки купеческой семьи были организация семейного быта, воспитание детей и организация работы слуг.

В различных домашних работах использовался труд наемных работников: садовников, конюхов, прачек, белошвейек. В воспоминаниях потомка елабужской купеческой династии В. П. Гирбасова перечисляются следующие категории слуг, работавших в усадьбе его деда: кухарка Семёновна, или «Семениха», судомойка, белошвейки, кучер Василий, садовник. При этом по именам названы слуги, которые жили и работали в семье купца не один год. Такие работники становились очень близки членам семьи. Тот же В. П. Гирбасов сообщает, что «дедушка ходил париться в баню с кучером Василием». В доме малмыжского второй гильдии купца Е. С. Брехачева служили кухарка, горничная и кучер [3].

Российское купечество всегда испытывало давление со стороны дворянской культуры, которая являлась для него неким эталоном. Естественно, значительно податливее подобному влиянию оказались столичные купцы. Они ближе видели представителей европейской культуры и чаще общались с ними. Однако и в провинции жили купцы, которые ориентировались на дворянский образ жизни. Являясь представителями деловых кругов, уездные купцы принимали дворянские культурные формы избирательно. Ведь для большинства в основной массе не очень богатых уездных купцов неприемлемы были

расточительство и праздный образ жизни. Склонность дворян к высокопарным фразам и витиеватому стилю речи вызывала у купцов недоумение. Здесь проявилось не только народное представление о ценности слова («слово – серебро, молчание – золото»), но и та специфика деятельности, с которой были связаны купцы. В среде, где молчание являлось немаловажным фактором успеха, старались меньше говорить. Да и сложность и витиеватость изложения мешали принятию быстрых и важных решений. Каноны и традиции купеческой культуры общения, уходящей корнями в народные традиции, предусматривали степенность и немногословность. Именно такое восприятие дворянской культуры могло бы сформировать самостоятельную культуру третьего сословия. Однако, как отмечал исследователь культуры российского купечества М. В. Брянцев, «в условиях российской действительности ... этот процесс оказался незавершенным» [4, с. 41].

Среди купцов бытовало мнение, что все люди ученые не годны к торговой деятельности. Сознание человека XIX в. было иерархизировано, считалось, что каждое сословие должно заниматься своим делом: крестьяне – пахать землю, купцы – торговать и т.д. Выход за пределы поля деятельности своего социума вызывал во всех сословиях российского общества резкое осуждение.

Немаловажным фактором настороженного отношения к официальному обучению было то, что значительная часть русского купечества принадлежала к старообрядчеству, которое сторонилось государственной школы, где учили гражданской печати.

Воспитание детей в семье купца полностью подчинялось подготовке к участию в деятельности семейного коммерческого предприятия. Дети находились в полном подчинении у родителей и с раннего детства помогали им по хозяйству. До зрелых лет о сыновьях отчески заботились, постепенно вводили в курс семейных дел. Отметим, что в первой половине XIX столетия подавляющее большинство уездных купцов имели только начальное образование. Поэтому большую часть знаний об организации коммерческих предприятий купеческие сыновья получали на практике. С семи-восьми лет мальчики начинали приобщаться к предпринимательской деятельности. Они ежедневно ходили в лавку, выполняли мелкие поручения. «Так, из писем сарапульского купца Ехлакова мы узнаем, что их единственный сын и наследник Коля с семи лет ходил с отцом в лавку» [5]. Возрастом зрелости считались 15–16 лет, с этого времени сыновья

полностью включались в семейное дело. Они могли заниматься мелочной торговлей в лавке, совершать коммерческие поездки в другие города, вести конторские книги.

Однако интересы коммерческого дела требовали концентрации капитала, кроме того, главы купеческих семей нередко сомневались в деловых качествах своих сыновей или попросту не хотели выпускать дело из своих рук. Поэтому уже взрослые сыновья, работая в отцовском коммерческом предприятии, носили «звание» купеческий сын. Например, в списке купцов г. Слободского за 1890 г. числится купеческий сын второй гильдии Б. В. Прехов [6]. И даже заслужив общественное признание и занимая ту или иную должность в органах местного самоуправления, многие младшие члены купеческой семьи продолжали числиться в «купеческих сыновьях». Так, среди гласных Елабужской городской думы в 1875 г. числились сразу двое купеческих сыновей: Александр Кириллович Стахеев и Аркадий Матвеевич Серебренников [7, с. 183–186]. В то же время можно привести множество примеров, когда еще при жизни главы семьи некоторые из сыновей получали свою долю наследства – «выдел» в виде денежной суммы или торговой лавки. Например, в Ревизской сказке о купцах г. Слободского 1834 г. к гильдейскому купечеству причислены Роман Дармидонтович Шмелев и его сын Александр, имеющий самостоятельное коммерческое предприятие [8].

Но самостоятельная предпринимательская деятельность купеческих сыновей отнюдь не означала полное освобождение от контроля со стороны главы семейства. Ф. П. Гирбасов, елабужский первой гильдии купец, выделил своим достигшим совершеннолетия сыновьям долю денежного наследства, что позволило им начать самостоятельную предпринимательскую деятельность. Старший сын Г. Ф. Гирбасов уехал в Екатеринбург и основал там свое дело – торговлю чаем и табаком. Следуя патриархальным традициям купеческих семей, Гавриил Федорович, успешный екатеринбургский коммерсант, почетный глава семейства (у него было десять детей), не посмел перечить отцу и по первому зову возвратился в Елабугу для того, чтобы принять участие в деятельности товарищества, организуемого Федором Прохоровичем [9].

В воспитании девочек с детских лет делали упор на подготовку к будущей семейной жизни. Дочери должны были помогать матери вести хозяйство, следить за порядком в доме, присматривать за младшими детьми. Традиционно девочек обучали различным видам рукоделия: вязанию, плетению кружев, вышиванию. Купе-

ческим дочерям готовилось приданое, с которым они могли рассчитывать на хорошую партию. В условиях господства религиозных взглядов на семейные ценности дети воспитывались в духе обязательного вступления в брак. К незамужним дочерям и холостым сыновьям, вовремя не вступившим в брак, отношение было неуважительное.

Большую роль в быту купеческой семьи играло участие в религиозных обрядах: посещение церкви, прием священника, который совершал обход прихода до четырех раз в год, крестные ходы. «В нравственном отношении вятчане считаются честнее жителей фабричных губерний... Население вятского края щедро на пожертвования и какое-нибудь доброе дело. И отличается набожностью и благочестием, которое выражается в строгом соблюдении постов, сред, пятниц и даже часто понедельников, а также в оделении нищих милостынею. Набожность народа вятского края может служить образцом для других губерний: нигде нет таких богатых церквей и в них украшений; крестные ходы совершаются во многих местах губернии по нескольку раз в год...» [10, с. 35–36].

Каждое воскресенье семья в полном составе ходила в храм к заутрене или к обеду. В церкви богатые купцы стояли впереди, при этом сначала женщины, а за ними мужчины. Эту сторону жизни купечества описал Д. И. Стахеев: «Приказчики задвигают железные запоры хозяйских лавок и, исполняя хозяйское приказание, тоже тянутся толпами в церковь. Вот и купцы с семьями подъехали на пыхтящих лошадях к церковной паперти и одевают грошиками нищую братию. Духовенство всем собором служит вечерню, потом читает акафист Спасителю с коленопреклонением. Служба вообще торжественна. Зажженные свечи отражаются в ризах икон, в алтаре виден серебряный блестящий престол. Акафист читают поочередно все священники, а по окончании его парами подходят к образу Спасителя, кладут три земных поклона и целуют образ» [11, с. 381]. Одной из форм участия детей и подростков в религиозной жизни было пение в церковном хоре. В уездных городах Вятской губернии нередко церковные хоры состояли из воспитанников гимназий, училищ, детских приютов.

Обязательным атрибутом каждого купеческого дома был «красный угол», уставленный многочисленными иконами. У состоятельных купцов были специальные комнаты, в которых порой размещались целый иконостас, священные книги и другие предметы культа. Не совершив молитву, купцы не начинали никакого

дела. С икон начинался перечень имущества, передаваемого по духовному завещанию. Текст завещания начинался обращением к Богу: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь» [12]. Даже в описи имущества парохода «Пион», принадлежащего торговому дому «Иван Григорьевич Стахеев», значатся две иконы [13].

Начало важного коммерческого предприятия обязательно сопровождалось получением благословения в церкви. Иллюстрацией может служить процедура открытия в Слободском Общественного Анфилатова банка, состоявшаяся 31 декабря 1810 г.: «Оповещенные ещё накануне местные чиновники и наиболее почетные граждане собрались утром «в 9-м часу по полуночи» в общественный дом и, когда заблаговестили к обеду, отправились в соборную церковь Преображения Господня. Там по окончании литургии были прочитаны Высочайший указ Правительствующему Сенату... и грамота, данная К. А. Анфилатову, а уполномоченный К. А. исправлять должность директора банка, и избранные обществом два члена в виде свидетелей при операциях банка вместе с бухгалтером и маклерами приняли присягу» [14, с. 49]. После этого был совершен молебен о здравии Государя Императора и всего Августейшего дома. Затем состоялся крестный ход, сопровождавшийся колокольным звоном, в здание банка для проведения обряда освящения.

Уездные купцы часто избирались в церковные старосты. Например, купец второй гильдии А. К. Стахеев с 1896 г. исполнял обязанности церковного старосты в Пантелеймоновской домово́й церкви при богадельне. Г. В. Стахеев являлся церковным старостой церкви Александрийского детского приюта [15]. Купец первой гильдии Н. В. Смагин в течение восьми лет служил церковным старостой Покровской церкви г. Сарапула [16, с. 294]. Котельческий купец М. Н. Воронцов являлся старостой Предтеченской церкви, а В. Н. Курбатов – старостой кладбищенской церкви названного города [17, с. 50]. Показательным для отношения горожан к церкви является практика приема притча в дни важнейших религиозных праздников.

Почитание основ христианской этики способствовало тому, что внутрисемейные взаимоотношения уездного купечества характеризовались уважением друг друга и взаимопомощью. Жена помогала мужу вести коммерческие дела, а при отлучках супруга ведала хозяйственными и торговыми делами, сообщая ему в письмах все подробности и прося советов. Кстати, при переписке супруги обращались друг к другу с добротой и любовью. «Мой милый и дорогой мой Ванеч-

ка!», «Мой голубчик, Ванечка!» – обращается в письме к своему супругу, купеческому сыну И. И. Шишкину (известному русскому живописцу), его жена Евгения Васильевна [18, с. 56].

Другое свидетельство семейного долголетия мы находим в воспоминаниях К. В. Польских о семье своего прадеда, сарапульского купца В. Н. Баутина. «Они жили вместе почти 50 лет. Мир и согласие царили между супругами. Дети никогда не видели их раздраженными, ссорящимися» [19].

Обращение детей к родителям также подчеркнуто уважительное («на вы») и доброе: «маменька», «тятенька».

В связи с тем, что братья и сестры в купеческих семьях росли и воспитывались вместе, получая начальное образование дома от приглашенных учителей, между ними устанавливались теплые и дружеские взаимоотношения, которые они проносили через всю жизнь. Заботой и добротой пронизаны строки писем брата и сестер Шишкиных: «Любезный братец!», «Катенька, маленькая, Катенька!» [18, с. 8, 41].

Дети должны были добросовестно выполнять все данные им родителями поручения. Покорность детей старшим освещалась выработанной веками традицией сыновней почтительности, стойкостью патриархальных отношений. Кроме того, в купеческих семьях дети не шли вопреки воле родителей, опасаясь впасть в немилость и потерять свою долю наследства или приданого.

Большую роль в воспитании купеческих детей играли няни и горничные, которые являлись носительницами истинно русской народной культуры. Н. А. Бердяев, сам воспитывавшийся няней из крепостных, создал обобщенный образ русской няни: «Русская няня была поразительным явлением старой России. Можно поражаться, как она могла вырасти на почве крепостного права. Горячая православная вера. Необыкновенная доброта и заботливость, чувство достоинства возвышали ее над положением прислуги и превращали ее в члена семьи. Няни в России были совсем особым социальным слоем, выходящим из сложившихся социальных классов» [20, с. 262–263]. Этот образ няни можно распространить и на женщин, служивших в купеческих семьях. Купцы ценили преданность служивших у них нянь. Дмитрий Иванович Стахеев в домашнем духовном завещании назначает няне, служившей в их семье, выходное пособие и пенсию в размере 100 рублей в год [21, с. 52].

Во второй половине XIX в. под влиянием буржуазных веяний уездные купцы начинают приглашать для своих детей иностранных гувернеров, бонн. Но, несмотря на новые веяния, в домашнем

воспитании в среде русского купечества сохранились вековые традиции отношения к обучению. Традиционно обучение начиналось 1 ноября, в день Косьмы и Домиана – патронов всех учащихся. Перед началом занятий детей водили в церковь и ставили этим святым свечку. В церковь ходили и 1 декабря, в день пророка Наума, и молились, чтобы «батюшка пророк Наум навел меня на ум» [4, с. 70]. В церковь для освящения приносили и учебные принадлежности: книги, указки.

Домашнее образование было делом довольно трудным, так как родители, заинтересованные в быстрых и хороших результатах, пристально следили, чтобы дети не ленились, не пропускали занятий, вели себя прилежно. Ежедневные прогулки и игры во дворе дополняли напряженный учебный день.

Постепенно отношение к приемам воспитания и образованию в купеческой среде начинает меняться. Если до 1850-х гг. в среде купечества господствовала высказываемая старшим поколением точка зрения, что «наука только отбивает от дела», то уже с 1870-х гг. купцы стремились дать детям хорошее образование. Как справедливо замечает Г. Н. Ульянова, «если в 1860–1880-е гг. большинство предпринимателей считало достаточным получение детьми прикладного образования в коммерческих школах и реальных училищах, то с 1890-х гг. наблюдается все большее стремление к тому, чтобы купеческие дети получали классическое образование, после окончания гимназии получали престижный университетский диплом или диплом высшего технического вуза» [22, с. 445].

Перемены, происходившие в стране в пореформенное время, сказывались и на изменении отношения уездного купечества к образованию. Купцы стали осознавать, что не под силу будет им укрывать себя и своих детей от новых идей и требований времени. Они понимали, что, оставя сыну капитал, надо оставлять и умение им распорядиться, поэтому стали возникать мысли о необходимости обучения своих отпрысков в учебных заведениях Министерства народного просвещения.

Профессиональные навыки купцы могли получать в специальных классах при училищах и гимназиях. Но в первой половине XIX в. реальные классы при гимназиях открывались в основном в крупных городах: Туле, Вильно, Риге. В докладе 1842 г. попечителя Московского учебного округа г-на Строганова открытие реальных классов было обосновано следующим: «Особое назначение реального училища было то, чтобы доставлять молодым людям торгового сословия нужные познания в науках, прямо от-

носящихся к мануфактурной и торговой промышленности. При этой односторонней цели сего училища надлежало бы вовсе устранить от обучения в нем детей дворян и чиновников, и, следовательно, учреждение его нисколько бы не послужило к распространению способов классического образования, стремление к которому развивается в высшем сословии до такой степени, что для удовлетворения оному число гимназий, в Москве существующих, оказывается слишком недостаточным. С другой стороны, образование и, следовательно, открытие в настоящее время реального училища для одного среднего сословия могло бы не соответствовать своему назначению и не исполнило бы ожидания Правительства ни по числу учащихся, ни по успешности своего развития» [4, с. 121].

Во второй половине XIX в. коммерческое образование стало распространяться и в провинции. В уездных городах Вятской губернии действовало 6 реальных училищ: в Елабуге, Нолинске, Орлове, Сарапуле, Слободском и Уржуме [23, с. 82].

Дети состоятельных купцов получали образование в высших учебных заведениях страны. Сыновья елабужского первой гильдии купца В. Г. Стахеева Федор и Петр имели дипломы о высшем образовании. Первый получил звание инженера-механика [21, с. 30], второй в 1896 г. стал выпускником Петербургского лесного института [24, с. 30].

Получение достойного образования меняло мировосприятие купеческой молодежи, она становится более самостоятельной, свободной от отеческой опеки. Разлад между «отцами» и «детьми» начал принимать острые формы. Особенно резко обнажились эти противоречия по вопросам, касавшимся будущего молодого поколения. Молодежи хотелось самой выбирать свой жизненный путь.

Две дочери сарапульского купца Нина и Олимпиада Ехлаковы принимают самостоятельное решение о продолжении своего образования. В их письме к родителям, написанном 19 января 1905 г., звучит одновременно просьба, но вместе с тем и твердое уже принятое решение: «Мне очень хочется, чтобы Вы со мной согласились, что наш, т.е. Липин и мой, поступок не так не хорош, как, может быть, вы и другие себе представляете. Наверно, следующие за нами поколения также будут различаться взглядами с нами, я в этом не сомневаюсь. Средняя школа хотя нас и ставит на ноги, но нам хочется большего...» [5, с. 27].

Безусловно, что большинство купеческих детей и не помышляли о самостоятельном выборе,

соглашаясь с родительской волей. Но и в этой массе находились не только дети, но, что важнее, и родители, которые шли наперекор традиции и предоставляли своим детям право избрания своего будущего. Так, родители будущего художника И. И. Шишкина, елабужские купцы, заметив в сыне интерес к художественному творчеству, старались поддержать и развить его. Иван Васильевич, отец художника, подбирал для будущего пейзажиста статьи и журналы, книги о художниках. Отец понял сына и не стал перечить ему в выборе дела, благословив его на поиск своего призвания [18, с. 30].

Уржумский купец С. Д. Шамов дал своему единственному сыну Матвею хорошее образование. В доме были созданы все условия для обучения сына: богатая библиотека, приглашенные учителя. Для обучения иностранным языкам был «выписан» специальный человек. Богатство отца позволило Матвею много путешествовать. Он был даже в Египте, часто бывал в Москве, знал московские театры, художников. Он стал первым в Уржуме обладателем мотоцикла [25, с. 36–38].

На формирование традиции семейного быта, воспитания и образования детей влияли патриархальные взгляды и православные обычаи. Однако с развитием процесса урбанизации в конце XIX – начале XX в. сословные особенности купеческих семей сводились на нет и вырабатывалась общая модель городской семьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Оуэн Т. Предпринимательство в купеческой Москве / Т. Оуэн // Купеческая Москва : образы ушедшей российской буржуазии. – М., 2007. – С. 51–62.
2. Пентина Н. Дом, где продавались торты... / Н. Пентина // Кировская искра. – 1992. – 23 июня.
3. Государственный архив Кировской области (ГАКО). – Ф. 631. – Оп. 1. – Д. 20. – Л. 16.
4. Брянцев М. В. Культура русского купечества (воспитание, образование) / М. В. Брянцев. – Брянск, 1999.
5. Пюрияйнен Д. Бытовая культура купеческого сословия города Сарапул во второй половине XIX в. / Д. Пюрияйнен // Мензелинский музейный вестник. – 2007. – Вып. 4/5. – С. 25–28.
6. ГАКО. – Ф. 862. – Оп. 1. – Д. 1911. – Л. 1.
7. Адрес-календарь Вятской губернии 1875 г. – Вятка, 1875.
8. ГАКО. – Ф. 862. – Оп. 1. – Д. 824. – Л. 2.
9. Маслова И. В. Купеческая Елабуга / И. В. Маслова // 1000 страниц о Елабуге : историко-экономическое обозрение. – Елабуга, 2007. – Т. 2. – С. 176.
10. Календарь Вятской губернии 1880 г. – Вятка, 1881.
11. Стахеев Д. И. Уездный город // Стахеев Д. И. Духа не угашайте. – Казань, 1992. – С. 373–378.
12. Домашнее духовное завещание елабужского купца первой гильдии потомственного почетного гражданина Д. И. Стахеева // РГИА. – Ф. 799. – Оп. 4. – Д. 761. – Л. 3–4.
13. НАРТ. – Ф. 351. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 9.
14. Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1910 год. – Вятка, 1909.
15. НАРТ. – Ф. 346. – Оп. 1. – Д. 980. – Л. 96, 123.
16. Лигенко Н. П. Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX – начало XX века / Н. П. Лигенко. – Ижевск, 2001.
17. Панькова С. Н. Россыпь благих дел : (из истории благотворительной деятельности в г. Котельнич и уезде в XIX – начале XX в.) / С. Н. Панькова // Котельнич : История и судьбы : избранные материалы краеведческих конференций (1995–2003 гг.). – Котельнич, 2004.
18. Трехсотлетнее древо рода Шишкиных / сост. Н. И. Курылева. – Елабуга, 2007.
19. Польских К. В. Елабуга и Баутины / К. В. Польских // Дворянский вестник. – 2005. – октябрь.
20. Бердяев Н. А. Самопознание : сочинения / Н. А. Бердяев. – М., 1998.
21. Маслова И. В. Купеческая династия Стахеевых / И. В. Маслова. – Елабуга, 2007.
22. Ульянова Г. Н. Предприниматель : тип личности, духовный облик, образ жизни / Г. Н. Ульянова // История предпринимательства в России. Кн. 2 : Вторая половина XIX – начало XX в. – М., 1999. – С. 443–463.
23. Емельянов В. Д. Родиноведение. География Вятской губернии / В. Д. Емельянов. – Вятка, 1917.
24. Голованова Е. П. Судьба Петра Васильевича Стахеева и его семьи / Е. П. Голованова // Третьи Стахеевские чтения : материалы международной научной конференции. – Елабуга, 2008. – С. 30–34.
25. Пентина Н. Уржумский купец С. Д. Шамов / Н. Пентина // Уржумская старина. – 1991. – Вып. 5. – С. 36–38.

Елабужский государственный педагогический университет

*Маслова И. В., кандидат исторических наук, доцент, декан факультета истории и юриспруденции
E-mail: Saveli3@yandex.ru
Тел.: 8(5557) 3-90-91*

Elabuga State Pedagogical University

*Maslova I. V., Candidate of the Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Legal Sciences
E-mail: Saveli3@yandex.ru
Tel.: 8(5557) 3-90-91*